

Несколько мыслей о лирической поэзии

Когда противопоставляют лирическую поэзию гражданской, то первая всегда выступает как поэзия второго сорта, как поэзия, имеющая в жизни общества меньшее значение, чем вторая. А на самом деле оба вида поэзии важны в современном обществе, но важны по-разному. Объяснить, это не просто.

Поэзия, как и всякое искусство, имеет своей функцией некую «элевацию», крайне важную в нравственном и художественном значениях. Оба эти значения в искусстве, впрочем, сливаются: этика и эстетика едины во всяком искусстве.

В поэзии материал – это слово. Поэзия борется со словом, с его тяжестью, косностью, преодолевает его ограниченность – ограниченность его значений, его звучания, ограниченность его «материальности» в целом. Так в танце балерина преодолевает тяжесть собственного тела, достигает «элевации». В живописи художник преодолевает однозначность цвета и косность линии. В скульптуре преодолевается сопротивляемость мрамора, бронзы, дерева... В каждом искусстве художник заставляет забыть о материале искусства или, наоборот, заставляет удивляться тому, как преодолевает его материальность. Художник как бы борется с материалом, из которого творит, и в этой борьбе обязан вести борьбу с легкостью и виртуозностью (о виртуозности помнят только в музыке, и то только в исполнительном мастерстве).

Во имя чего ведется эта борьба с материалом? Художник вскрывает, обнаруживает, «выращивает» в материальном духовность. Он одухотворяет материал. Духовное начало, вскрытое в материале, – это вторая ступень в творчестве. Первая – форма, вторая – содержание. Это очень приблизительное деление, ибо нет формы без содержания и содержания без формы. Но примете это условное деление произведения искусства на форму и содержание как «рабочую гипотезу», как временную «лестницу истолкования».

В поэзии за словом (формой, материей) обнаруживается нечто такое, что не может быть определено словом, выражено словом, что больше чем слово, что стоит над ним и обнаруживается только в совокупности слов. Это содержание поэзии, которое создается сочетанием слов и особенно действует своею «бесплотностью», своей неуловимой для рационального объяснения силой, невозможностью переменить, переставить, заменить слова. «Только так и никак иначе» готова в слове проявиться его сверхсловесная духовность.

У Пушкина есть стихи, в которых нет метафор, эпитетов, того, что мы называем образностью, но магия его слов так необыкновенна, что в них ничего нельзя переменить, и «духовность» их выявлена с необыкновенной элевацией. Вспомните:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

И это не единственные стихи Пушкина подобного художественного аскетизма.

Вспомните и эти стихи:

...Вновь я посетил

Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня...

Я не продолжаю: стихи эти всякий знает наизусть. Это чудо, чудо преображения слова, потому что в них читается гораздо больше того, что выражают отдельные слова.

К какой же сфере относится эта вторая ступень лирической поэзии? На чем строится ее содержание?

Лирическая поэзия становится искусством, строя свое содержание на основе жизни поэта – вбирая эту жизнь, перерабатывая ее, одухотворяя.

В лирической поэзии происходит не только преодоление слова, но и преодоление жизни.

Лирическая поэзия – это искусство художественного преображения жизни. В поэзии художник, творец через свою жизнь входит в область духа, в какое-то наджизненное пространство, где преодолевается не только материальная тяжесть слова, но и ограниченность человеческой жизни. В лирической поэзии прошлое и будущее сливаются с настоящим. Вспомните лирическую поэзию Пушкина. Основная тема его лирики – воспоминание, но воспоминание как часть настоящего и будущего – близкого и просветленного конца.

Это сгущение всего своего жизненного времени у Пушкина в коротком лирическом стихотворении – настоящее чудо. Его произведения можно сравнить только с явлениями ядерной физики, где строение ядра атома бесконечно сложно и одновременно просто, чем-то напоминая строение вселенной.

И вот тут мы подходим к самому главному. Преобразуя собственную жизнь, собственные жизненные впечатления, поэт творит и целебную силу своей поэзии. В этой целебной, даже сверхцелебной, силе – ее колоссальнейшее значение в современной жизни. В современном мире техники, науки, сложных человеческих отношений, слабости традиции – дух человека необыкновенно раним.

Ему ежечасно нужна помощь, поэтическое утешение, поэтическое преображение даже самых мелочных жизненных ситуаций, в которые он неожиданно попадает. Стихи заменяют ему молитвы, примиряют его с тем, что нужно примириться, и, как музыка, помогают ему действовать, когда это совершенно необходимо.

Стихами поэт создает для себя и одновременно для читающего и слушающего его «модель реагирования» на окружающее (да простит мне читатель это модное и слишком часто повторяющееся слово – «модель»). Эта «модель реагирования», которую дают стихи, помогает человеку нравственно и эстетически. Она-то и «лечит» человека. Поэтому-то человек и ищет себе поэта, близкого ему по духу, твердит его стихи. С ними бодрствует, с ними засыпает вечером, их вспоминает поутру.

Счастлив тот, кто нашел для себя «свои», любимые стихи.

Чувствую, что пора перейти к современной поэзии.

Конечно, после Пушкина это очень трудно.

Трудно говорить после стихов Пушкина о ком-либо другом. Но все же читатель не может не интересоваться работой своих современников.

В последний год я нашел для себя близкие стихи в творчестве Арсения Тарковского, особенно в его сборнике «Зимний день».

Приведу пример. У Арсения Тарковского есть замечательные стихи «Григорий Сковорода». Вот эти:

Не искал ни жилища, ни пищи,

В ссоре с кривдой и с миром не в мире,

Самый косноязычный и нищий

Изо всех государей Псалтыри.

Почему написаны эти строки? Догадываюсь: потому что в их теме А. Тарковский обнаружил что-то ему бесконечно родное и, я бы сказал, «утешительное».

Что моя догадка не просто догадка, а понимание его стихов, я могу показать. Вот другие стихи, поставленные в сборнике «Зимний день» рядом с процитированными выше. Это стихи «Где целовали степь курганы». В них есть такие строки:

Я жил, невольно подражая

Григорию Сковороде.

Я грыз его благословенный,
Священный каменный сухарь,
Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошел, как царь.

Григорий Сковорода в поэзии А. А. Тарковского – это только образ, образ наджизненного смысла человеческого существования самого поэта, смысла, выраженного в мотивах скитальчества. Царственной нищеты и бесконечной степи, углубленной в тысячелетия:

Тема «нищеты» проходит через многие стихи А. А. Тарковского. Это не нищета бедности, разумеется, а нищета нужды в чем-то большем, образ духовной неудовлетворенности, образ скитальчества духа. Поэтому-то в поэзии А. А. Тарковского «нищета» – и царственная, и древняя.

А. А. Тарковский живет всеми временами своей жизни, всем своим жизненным «скитальческим» путем, начиная с далекого детства. И поэтому его родной Елизаветград, где он родился и учился в гимназии, продолжает быть одним из мест обитания его сегодняшней поэзии:

Еще в ушах стоит и звон и гром,
У, как трезвонил вагоновожатый!
Туда ходил трамвай, и там была
Неспешная и мелкая река,
Вся в камыше и ряске.

Я и Валя

Сидим верхом на пушке у ворот
В Казенный сад, где двухстолетний дуб,
Мороженщики, будка с лимонадом
И в синей раковине музыканты.

С рассказа в прошедшем времени поэт незаметно перешел к настоящему. Вся жизнь для него слилась в одно вневременное целое. И детство, проведенное в Елизаветграде, счастливые мгновения, когда он сидел с братом на пушках крепости «Святой Екатерины», для него не прошлое, а лишь «одна восьмая жизни», которую слышно «как из-под подушки», но все слышно –

В полбарабана, в полтрубы, в полфлейты
И в четверть сна, в одну восьмую жизни.

По существу в поэзии А. А. Тарковского нет ни настоящего, ни ушедшего в неизвестность прошлого, а есть единое, полное глубокого смысла духовное явление,

откуда протягиваются нити в будущее, – не только в то, которого еще нет, но и в будущее, которое уже было. Чтобы понять это, вдумайтесь в продолжение этих стихов, где он говорит о себе и о своем погибшем в молодости брате Вале:

Мы оба

(в летних шляпах на резинке,

В сандалях, в матросках с якорями)

Еще не знаем, кто из нас в живых

Останется, кого из нас убьют,

О судьбах наших нет еще и речи...

«Нет речи» в тот момент, когда они оба сидят счастливыми верхом на пушках, но для А. А. Тарковского-поэта судьба человека едина, и это главное, о чем он думает в своих стихах:

Я гляжу из-под ладони

На тебя, судьба моя,

Не готовый к обороне,

Будто в Книге Бытия.

Не «готов к обороне» в Книге Бытия – это Авель. И главное в судьбе Авеля – смерть. О ней-то, никогда не называя ее, и пишет поэт. Это итог и сжатие жизни в немислимое уплотнение. И хотя в поэзии А. А. Тарковского ожидаемый им конец жизни так часто присутствует, присутствует даже в названии последней книги его стихов «Зимний день», ибо зима для него конец существования, – поэзия А. А. Тарковского глубоко оптимистична.

Оптимизм в банальном значении – это вера в благополучный исход любой жизненной передрыги или даже серьезного несчастья, может быть, даже подсознательная убежденность в нескончаемости своей жизни. А. А. Тарковский не такой «оптимист», совсем не такой. Не называя смерть смертью, он знает, что она придет для каждого, знает всей душой, знает всей своей поэзией (ибо поэзия – это познание, и при этом самое мудрое). Но знание это не внушает ему страха, так как он понимает значительность всего происходящего в жизни. «Странничество», «Нищета», как вечная потребность в чем-то высшем, – это все явления богатства его судьбы, судьбы, в которой сливается прошлое с настоящим и будущим, которая вся – произведение искусства, а потому бесценна, потому-то и бессмертна, потому-то и счастлива, царственна, объединяет его со всей бесконечной землей, по которой он бредет:

Юность моя отошла от меня, и мешок

Сгорбил мне плечи. Ремни развязал я и хлеб

Солью посыпал, и степь накормил, а седьмой
Долей насытил свою терпеливую плоть.
Спал я, пока в изголовье моем остывал
Пепел царей и рабов и стояла в ногах
Полная чаша свинцовой азовской слезы.
Снилось мне все, что случится в грядущем со мной,
Утром очнулся и землю землею назвал,
Зною подставил еще не окрепшую грудь.

Вот почему, зная прошлое и сныщееся ему будущее, он воздает хвалу земле, называя ее землей, странничеству, названному им странничеством, и нищете, названной им царственной: за ее взыскующую требовательность к земле и вселенной:

Хвала измерившим высоты
Небесных звезд и гор земных
Глазам – за свет и слезы их!
Хвала всему, что было, есть и будет!

Поэзия настраивает нас воспринимать нашу жизнь и все окружающее в едином поэтическом ключе. Читатель в какой-то мере ставит себя на место поэта. Читатель с любимым поэтом, как с поводырем, проходит по жизненным трудностям, смысла которых он не видел бы один. Поэт дает нам эстетический и нравственный настрой, ключ к нашей собственной жизни, помогает с достоинством переносить невзгоды. Поэзия врачует, делает нас лучше, чище, способствует возвышению души – даже в самых «невысоких» и прозаических обстоятельствах. И с этой точки зрения поэзия А. А. Тарковского дает своему читателю удивительной чистоты врачевальное искусство.

И в этом острый общественный смысл лирической поэзии.

Источник. День поэзии. 1981. М., 1981. С. 158–160.